

Духовный регламент как источник права в период становления абсолютизма

Кумыкова Алина Ауесовна,
студентка 1 курса Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарский государственный университет

Научный руководитель – **Дышеков Мурат Владимирович,**
к.и.н., доцент

Работа подготовлена с использованием Системы КонсультантПлюс

Период становления в России абсолютизма – государственного строя, характеризующегося «отказом от сословно представительных учреждений и предельной концентрацией власти в руках монарха»¹ – неразрывно связывается с именем Петра I и его реформаторской деятельностью. Результатом многочисленных преобразований царя стало создание государственного механизма, своеобразным «стержнем» которого выступает единоличный правитель – монарх, в чьих руках сконцентрирована вся полнота власти. Однако прежде чем данная цель была достигнута, требовалось решить ряд фундаментальных вопросов, связанных с отношением между государством и важнейшими общественными институтами, один из которых – церковь, которая подверглась серьезным преобразованиям, важнейшим из которых стала ликвидация патриаршества и замена единоличного управления церковью на коллегиальное в лице образованной в 1721 году Духовной коллегии, позднее ставшей именоваться Святейшим Синодом. Эта реформа «оказала огромное влияние и на церковную политику государства, и на саму церковь»², создала новое положение для русской православной церкви, включив её в механизм государства, подчинив его интересам и царской воле, что вполне соответствовало требованиям времени и оформлявшегося абсолютизма. Подобное радикальное изменение статуса церкви детерминируется рядом причин. В первую очередь, это недоверие, которое Пётр I испытывал к духовенству, «потому что много раз убеждался, как сильно не сочувствует оно реформам».³ Таким образом, царь стремился ликвидировать оппозицию в лице патриарха. Кроме того, самостоятельность и независимость церкви делали её влиятельной, позволяя вмешиваться в вопросы политики, что шло вразрез с принципами режима единоличного правления, к которому стремился Пётр I.

Такой шаг являлся решительным поворотом в глазах как церкви, так и всего народа и требовал мотивированного обоснования, которое нашло своё отражение в Духовном регламенте, ставшем правовой основой церковной

¹ Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017.

² Смолич. И.К. История Русской Церкви: 1700—1917. Т.1. М., 1997

³ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории; 10-е изд. Пг., 1917

реформы и представляющем большой интерес для изучения в качестве источника права периода становления абсолютизма.

Для рассмотрения данного законодательного акта первостепенной является задача по решению вопроса о его принадлежности к форме права или источнику права. В связи с этим необходимым представляется разграничить эти два теоретико-правовых понятия. В юридической научной литературе, посвященной общей теории государства и права, на вопрос о соотношении понятий «форма права» и «источник права» существуют две противоположные точки зрения. Первая заключается в том, что эти понятия полностью равнозначны и тождественны; вторая же гласит, что понятие «источник права» шире, чем понятие «форма права» и отражает глубинные закономерности того, как и почему возникло право, выраженное в той или иной форме.⁴ В концепции первого подхода «под формой (источником) права понимаются определённые способы (приемы, средства) выражения государственной воли общества».⁵ В соответствии со вторым подходом, форма права показывает, как организовано и выражено вовне нормативное содержание права, а источник указывает на те факторы и юридические истоки, «предопределяющие рассматриваемую форму права и её содержание».⁶

Руководствуясь вторым подходом, который представляется более широким и дающим больше простора для исследования, можно заключить, что определять Духовный регламент лишь с формально-юридической точки зрения, т.е. как форму права, значит ограничить возможности для его более глубокого понимания. Следовательно, данный законодательный акт следует рассматривать с точки зрения источника права, а не его формы, так как Регламент, являясь де-юре инструкцией для Духовной коллегии, выходит далеко за рамки инструкции для государственного органа и не только содержит правовые нормы и является формой волеизъявления государевой воли, но и даёт представления об определенных факторах и теоретических основах, служащих фундаментом дальнейшего правового регулирования отношений между государством и церковью в первой четверти XVIII века этим нормативно-правовым актом. В частности, он содержит, как уже было отмечено выше, идеологическое обоснование необходимости отмены патриаршества и замены его на коллегиальное церковное управление.

Авторство этого обоснования, как и заслугу составления Регламента, историки приписывают сподвижнику Петра I, псковскому архиепископом Феофану Прокоповичу, который получил соответствующее распоряжение от Петра I. Рассматриваемый документ основан на труде Феофана «Книга сия, Духовнаго коллегіума описание и рассуждение содержащая...», созданном в 1718-1720

⁴ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., Юристъ, 2004. С. 283

⁵ Байтин. М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 67

⁶ Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М.: Изд-во Проспект, 2008. С. 57

годах. Идеи, содержащиеся в нем, были положены в основу Духовного регламента, который, в свою очередь был изучен, отредактирован и дополнен царем. Таким образом, Духовный регламент является одновременно и формой церковного права, и инструкцией, и важнейшим государственным законодательным актом, и источником права петровского времени.

Отдельного внимания заслуживает содержание Духовного Регламента. Его изучение позволяет сделать вывод о том, что этот документ охватывал самые разные стороны жизни церкви и полностью реформировал церковное правление.

Непосредственному тексту Духовного регламента предшествует Манифест о создании Духовной коллегии, изданный 25 января 1721 года, и Присяга членам Духовной коллегии.

В Манифесте провозглашается создание Духовной коллегии как органа управления делами церкви⁷ и определяется его состав: Президент, 2 вице-президента, 4 советника и 4 ассессора.

За Манифестом следует Присяга членам Духовной коллегии, напоминающая по своему содержанию присягу государственного служащего, в частности, такими формулировками как «верным, добрым и послушным рабом и подданным быть», «способствовать Его Царского Величества верной службе и пользе», «отвращать вред, убыток ущерб Его Величества». Таким образом, содержание Присяги позволяет сделать вывод о том, что церковные служители полностью подчиняются светской власти в лице Духовной коллегии и правящего монарха.

Структурно основной текст Регламента подразделяется на три части: в первой⁸ даётся определение духовного «Коллегиума» и обосновывается необходимость введения такого управления; во второй⁹ определяется круг полномочий и функции Духовной коллегии; в третьей¹⁰ регламентируются полномочия и обязанности членов Коллегии.

В первой части находим определение законодателя, данное «Коллегиуму правительскому», под которым понимается *«правительское собрание, когда дела некия собственныя не единому лицу, но многим к тому угодным, и от Высочайшей власти учрежденным подлежат ко управлению»*. Далее следуют представляющие большой интерес рассуждения о причинах («винах») создания Духовной Коллегии. Здесь достаточно подробно излагаются следующие

⁷ «...восприяв попечение об исправлении чина Духовнаго, а не видя лучшаго к тому способа, паче Соборнаго Правительства... уставляем Духовную Коллегию, то есть Духовное Соборное Правительство, которое по следующем зде Регламенте, имеет всякия Духовныя дела во Всероссийской Церкви управлять»

⁸ «Описание и важныя вины такового правления»

⁹ «Дела, управлению сему подлежащая»

¹⁰ «Самых управителей должность, действие и сила»

аргументы в пользу замены единоличного управления Церковью на коллегиальное, т.е. отмены патриаршества:

- 1) Коллегиальное управление представляется более эффективной формой ввиду того, что несколько лиц («умы многие») могут найти лучшее решение дела, чем одно лицо¹¹
- 2) При единоличном правлении часто бывает остановка работы из-за недуга или длительного отсутствия патриарха
- 3) Решения коллегии считаются более весомыми и значимыми, так как коллегия установлена державным монархом, а следовательно, действует от его имени
- 4) Считается, в Коллегиуме нет места взяточничеству, мздоимству, пристрастию, лихоимному суду и другим порокам, свойственным единоличному правлению
- 5) Коллегия более свободна в свершении правосудия, так как не испытывает того давления и «гнева сильных», который может испытывать один человек
- 6) Президент или Председатель коллегии несет ответственность перед другими членами коллегии, что препятствует произволу и превышению полномочий
- 7) Коллегия именуется хорошей «школой правления духовного». Лишь самые достойные священнослужители и заседатели будут членами коллегии, что способствует тому, что «от чина духовного скоро грубость отпадет»

И в качестве решающего аргумента приводится следующий довод, непосредственно связанный с противопоставлением власти церковной, патриаршей и светской, монаршей власти:

- 8) Соборное правление защищает отечество от мятежей и смущений, которые, по мнению законодателя, происходят от единого собственного духовного правления, так как народ воспринимает власть патриарха равносильной власти царя, а это рождает смуту и сумятицу, которая может трансформироваться в крамолу.¹²

Таким образом, данные аргументы основываются на убеждении в низкой эффективности патриаршего правления, в подверженности патриаршей власти порокам, её некомпетентности и даже опасности для государства. В тексте Регламента Духовная коллегия не раз именуется «соборным правительством», что наталкивает нас на мысль о параллели между коллегией и древними церковными Соборами. В этой части Регламента отчетливо прослеживаются попытки автора оправдать отмену патриаршества в соответствии с каноническими законами русской православной церкви, однако при анализе его доводов не возникает сомнения, что изложенные аргументы – это взгляды

¹¹ «...что один не постигнет, то постигнет другой, а чего не увидит сей, то он увидит»

¹² «Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от Самодержавной; но великою Высочайшаго Пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то вторый Государь Самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее Государство»

самого Феофана и Петра I на то, как должно быть организована деятельность церкви, каким должно быть церковное управление и в каком соотношении церковная власть должна находиться с властью государственной.¹³

Следующая, вторая часть довольно обширно регламентирует компетенцию Духовной коллегии и определяет дела, находящиеся в её ведении, устанавливает круг лиц, попадающих под юрисдикцию Регламента. Это епископы, пресвитеры, дьяконы, «прочий клир церковный», монахи, учителя и ученики церковных школ, проповедники и мирской люд.

В этой части функциями Духовной коллегии признаются проверка на соответствие церковным канонам молитв, служб и молебнов, обычаев богослужения, историй святых, розыск «вымыслов» (например, неправильных способов проведения обрядов), духовная цензура, проверка сведений о мощах, иконах, искоренение суеверий. Эти дела относятся к первому виду общих дел. Можно сделать вывод, что церковные служители становятся некими чиновниками-цензорами.

Второй вид общих дел составляют дела о цензуре церковных книг, несоответствующих канонам христианского учения, Предлагается создать три канонические книги, которые станут основой проповедей и служб священнослужителей: первую о «главнейших спасительных догматах нашей веры», вторую «о собственных всякого чина должностях», третью – сборник с проповедями Святых.

Кроме того, в компетенцию Духовной коллегии входило ведение специальных книг о приходах и расходах монастырей и церквей, выдача разрешения на придание того или иного лица анафеме или отлучение от церкви, выдача разрешения на ведение проповедей, контроль за процессом обучения будущих священнослужителей и церковников в духовных училищах и семинариях при них. Это свидетельствует о том, что церковь лишается и определённой экономической самостоятельности и вынуждена отчитываться обо всех своих финансовых действиях перед светской властью. Кроме того, перестаёт быть автономным процесс обучения будущих церковнослужителей, который до этого являлся исключительной прерогативой церкви, а теперь также подвергается контролю со стороны светской власти. Это служит ещё одним свидетельством в пользу тезиса о совершившемся подчинении церкви государству.

Следующий крупный раздел дел – дела епископов. В этой части Регламента прописаны обязанности епископа, порядок его действий в случае отлучки и пребывания вне епархии, порядок действий в случае болезни, порядок придания анафеме и отлучения от церкви. Определяются и деяния, за которые

¹³ Смолч. И.К. История Русской Церкви: 1700—1917. Т.1. М., 1997: «Соображений канонического свойства среди них [доводов Феофана] нет. Но зато ясно выражены взгляды Петра и самого Феофана, и у читающего «Духовный регламент» не возникает сомнения в том, что неподчинение Духовной коллегии, т. е. Святейшему Синоду, равнозначно сопротивлению монарху»

следует придавать анафеме или отлучать от церкви. Устанавливается обязанность епископа не реже одного раза в год объезжать свою епархию, при этом примечательно, что Регламент даже устанавливает время года, в которое это предпочтительнее делать (летом, так как зимой церкви потребуются нести больше издержек на организацию этого объезда и содержание епископа – летом продукты дешевле, нет необходимости содержать епископа в избе, т.е. не надо топить дрова и т.д.). Очень подробно регламентируется и поведение епископа в ходе объезда епархии, вплоть до того, кого ему следует спрашивать о делах в епархии, чьи сведения будут более достоверными. Примечательно, что ему запрещается до разрешения всех дел звать к себе гостей или быть у кого-либо в гостях, но если дела решены, то и епископ реши звать к себе гостей, то ему запрещается тратить на это деньги церкви, принимать гостей он должен из собственных средств, «своею казною». В этой части Регламента проявляется его нормативная составляющая – документ регламентирует мельчайшие нюансы норм поведения священнослужителей при исполнении ими их долга.

Кроме того, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей епископ будет предан суду Духовной коллегии, более того, священнослужители, притесняемые своим епископом, могут подать на него жалобу в коллегия, из чего можно сделать важный вывод о том, что Духовная коллегия выполняла не только административные и надзорные, но и судебные функции (на что указывает часто встречающаяся в тексте Регламента формулировка «разыскать истину»).

Далее Регламент очень развернуто определяет характер и порядок деятельности церковных школ, именуемых «дома училищные». В этой части содержатся рассуждения Феофана о пользе учения, высказывается предположение о том, что русские раскольники взбунтовались именно от своей грубости и невежества, даётся характеристика мудрым учителям. Здесь проявляется идеологическая составляющая Регламента – автором изложены его мысли и взгляды на те или иные общественные явления и проблемы. Исходя из этого, Духовный Регламент можно рассматривать и как философский трактат.

Согласно данному документу им регламентируется весь процесс обучения в церковных школах: описываются испытания для учителей, порядок обучения с указанием предметов (богословие, латинский, греческий, грамматика, логика, риторика, география, история и т.д.), кого принимать для обучения, в какие год какие предметы преподавать и т.д. Учреждалась должность Ректора и Префекта для управления Академией. Создавались Семинарии (общежития), в которых проживали лица от 10 до 15 лет, где их повседневный быт и режим дня включал в себя прогулки, часы занятий, умственные и физические нагрузки. Содержание в таких Семинариях для бедных было бесплатным, богатые же платили определённую сумму, которая, как правило, было нормированной, «навсегда определённой». По окончании обучения коллегия презентовала семинаристов Государю, и в случае подтверждения их искусства и профессионализма, они назначались на службу в тот ли иной приход или епархию.

Вышеописанное позволяет заключить, что вторая часть Регламента содержит целую программу созданию системы церковных школ, действующих под контролем Духовной коллегии, с тщательной регламентацией всех сторон деятельности этих заведений, вплоть до занятий и режима дня семинаристов. Этот факт подтверждает уже высказанный тезис о том, что Духовный регламент выходит за пределы инструкции для коллегии и его содержание по сути своей намного шире, чем формально заявленное.

Кроме всего сказанного, вторая часть Регламента устанавливает «регулы (правила) о проповедниках слова Божия». Как уже отмечалось выше, Духовная коллегия выдает разрешения проповедовать («свидетельство») после успешного испытания лица, желающего вести проповеди. Интересно, что среди данных правил также есть некоторые положения, которые можно отнести скорее к этическим, чем к религиозным нормам. В частности, запрет на упоминание в проповеди имени согрешившего, чтобы не множить его печаль и согрешившего не посещали мысли о мщении проповеднику вместо мыслей о своём исправлении, или наставление вести проповедь от первого лица, дабы приблизить проповедника к его пастве, или наставления о том, как следует себя вести во время службы, какой тон и интонацию соблюдать, а каких избегать и другие правила, которые скорее носят морально-этический, нежели религиозный характер.

Не обходит стороной регламент и раскольников. Раскольники не допускались ни к какой службе, ни к духовной, ни к гражданской, «чтоб не вооружать нам на нас же лютых неприятелей, и Государству и Государю, непрестанно зло мыслящих». Строго каралось укрывательство старообрядцев, описывался процесс придания укрывателей и самих раскольников анафеме, после которой для церкви человек считался убиенным.

За этим следует третий, заключительный раздел Регламента, определяющий состав Духовной коллегии, полномочия и функции её членов. Здесь ярче всего проявляется инструкционный характер рассматриваемого документа.

«Число особ правительствующих» ограничивается количеством 12 человек, в том числе 3 архиерея, а также архимандриты, игумены и протопопы, причем архимандриты и протопопы не должны принадлежать той же епархии, которую возглавляют архиереи, дабы они в принятии решений либо, из угодничества, либо под психологическим давлением, либо из страха не склонялись на их сторону и были независимы в принятии решения. Среди этих лиц назначается Председатель.

Однако, согласно Манифесту от 25 января 1721 года, о котором было сказано в начале, в коллегия входили президент, 2 вице-президента, 4 советника и 4 асессора, т. е. всего 11 человек. На практике состав и структура органа неоднократно менялись.

Кроме уже обозначенных в первой части Регламента полномочий, перечислены следующие обязанности коллегии:

- 1) наблюдение за всем церковным управлением и за церковными судами;
- 2) оценка проектов всякого рода улучшений;
- 3) цензура;
- 4) изучение и удостоверение чудес;
- 5) рассмотрение новых сектантских учений;
- 6) исследование неясных вопросов совести;
- 7) испытание кандидатов на звание епископа;
- 8) принятие на себя функций бывшего патриаршего суда (дела о «недоуменных» браках, «вины разводов брачных», обиды клиру или монастырю от епископа, обиды, сделанные одним епископом другому), т.е. суд Духовной коллегии становится правопреемником патриаршего суда.

К тому же говорится о том, то в суд коллегии могут быть обжалованы решения епископского суда, т.е. суд Духовной коллегии признается высшей инстанцией по отношению ко всем другим церковным судам, что еще раз утверждает мысль о многообразии функций Духовной коллегии.

- 9) надзор за использованием церковного имущества;
- 10) защита епископов и прочего духовенства перед мирскими судами;
- 11) проверка подлинности завещаний (совместно с Юстиц-коллегией);
- 12) искоренение нищенства и обновление благотворительности (борьба с подаянием милости трудоспособным людям, «прошакам», однако добровольное пожертвование не возбуждалось);
- 13) борьба с симонией

За этим следует указание о присяге и клятве членов коллегии. Её нарушение карается анафемой и телесным наказанием. Завершается Регламент указанием на утверждение документа и подписание его Царским Величеством.

Принимая во внимание вышеизложенные факты и промежуточные заключения, хочется подвести итоги и сделать несколько выводов об особенностях и характерных чертах Духовного Регламента как источника права в период становления абсолютизма. Безусловно, этот документ, как уже было отмечено, является не просто внутренним актом Духовной коллегии. Это крайне многоаспектный нормативно-правовой акт как по содержащимся в нём нормам, так и по своей социальной направленности и правовой сущности.

В первую очередь, рассматривая его с правовой стороны, стоит отметить, что Духовный регламент является по форме нормативно-правовым актом, законодательно утвердившим создание нового государственного органа, придав его деятельности легитимный характер. Он юридически оформил уже

начавшийся процесс подчинения церкви светской власти, что говорит о государственном характере этого документа.¹⁴

Для Духовного Регламента также характерно то, что, определяя его историческую ценность, не вызывает сомнений тот факт, что этот документ поставил точку в вопросе об отношении между церковной и монаршей властью, однозначно подчинив первую второй. Регламент окончательно перестроил отношения между церковью и государством¹⁵ и ознаменовал начало так называемого «синодального» периода в истории Русского Православия. Он придал церкви новый статус в государственном строе России, уничтожил остатки её автокефалии и сделал невольной «союзницей» оформляющегося абсолютизма, а новое «соборное правительство» становится «лишь одной из спиц в колесе абсолютистского государства».¹⁶

Как уже было сказано, Духовный Регламент в соответствии со своей правовой формой служит инструкцией для Духовной коллегии, регламентирует её деятельность, а также содержит нормы, определяющие порядок исполнения обязанностей церковнослужителями. Установив систему приходских школ, Духовный Регламент заложил основы семинарского образования в России.¹⁷

Помимо этого, Духовный Регламент служит памятником философской и общественной мысли первой четверти XVIII века, так как содержит взгляды Феофана Прокоповича, схожие со взглядами Петра I, на природу монаршей власти, на её соотношение с властью церковной, на природу раскольников и сущность монашества. Феофан Прокопович «теоретически обосновал необходимость церковной реформы» и создал «имперский вариант теории российской государственности».¹⁸ Это раскрывает новую грань Духовного Регламента и придает ему характер политического трактата, «автор которого не может скрыть своих личных взглядов (можно сказать, и взглядов Петра) и своего отношения к различным явлениям церковной жизни прошлого XVII и начавшегося XVIII столетия»¹⁹.

¹⁴ Градовский А. Начала русского государственного права. СПб., 1887. С. 336: «Святейший Правительствующий Синод, называвшийся ранее Духовной коллегией, был учрежден государственным актом, а не церковным — «Духовным регламентом»... По взгляду «Регламента», Синод должен был быть государственным установлением, зависящим от светской власти»

¹⁵ Смолич. И.К. История Русской Церкви: 1700—1917. Т.1. М., 1997: «...основной смысл «Регламента» заключается не столько в отмене патриаршества, сколько в революционной перестройке отношений между государством и Церковью...»

¹⁶ Свиридов В. И., Кольцов А. А. Русская православная церковь и государство: особенности отношений в начале XVIII в.: статья. Издание «Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы». 2014. № 1–2. Июнь.

¹⁷ М.А. Адамов. Статья «Социокультурные факторы зарождения семинарского образования в России первой половины XVIII в.»

¹⁸ Лебедева А.И. Идеи государственности и патриотизма в творчестве Феофана Прокоповича. Издательство «Грамота», Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 7 (21): в 3-х ч. Тамбов, 2012.

¹⁹ Смолич. И.К. История Русской Церкви: 1700—1917. Т.1. М., 1997

И такой идеолого-философский характер данного сочинения вкупе со всеми перечисленными особенностями нисколько не умаляет и не лишает его при этом значения как источника права. Наоборот, это позволяет говорить о том, что Духовный Регламент можно рассматривать с разных сторон и что он как источник права весьма многогранен и многоаспектен. О нем нельзя говорить лишь как о нормативно-правовом акте, коллегиальной инструкции, уставе или царском указе. Данный документ требует комплексного подхода для установления всех его характерных черт и определения его значения как источника права в период становления абсолютизма.

Источник:

1. Феофан Прокопович. Духовный регламент. М.: Синодальная типография, 1776. 112 с.

Список литературы:

2. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004—2017.
3. Смолич. И.К. История Русской Церкви: 1700—1917. Т.1. М., 1997
4. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории; 10-е изд. Пг., 1917
5. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., Юристъ, 2004.
6. Байтин. М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001.
7. Марченко М. Н. Источники права: учеб. пособие. М.: Изд-во Проспект, 2008.
8. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1887.
9. Свиридов В. И., Кольцов А. А. Русская православная церковь и государство: особенности отношений в начале XVIII в. // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. Июнь 2014. No 1–2
10. М.А. Адамов. Статья «Социокультур
11. ные факторы зарождения семинарского образования в России первой половины XVIII в.»
12. Лебедева А.И. Идеи государственности и патриотизма в творчестве Феофана Прокоповича. // Издательство «Грамота», Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и

ТЕЗИСЫ:

Актуальность данного исследования определяется тем фактом, что духовный регламент как источник права периода становления абсолютизма представляет собой большой интерес для изучения историками права, так как не только является правовой базой проводимых в первой четверти XVIII века преобразований в сфере отношений между церковью и государством, но и даёт глубокое понимание характера этих отношений.

Целью исследования является попытка дать развернутую характеристику Духовного Регламента как источника права периода становления абсолютизма, определить его особенности и отличительные черты, его роль в законодательном оформлении процесса подчинения церкви светской власти.

В результате проведенного исследования было выявлено, в частности, что Духовный Регламент 1721 года - это крайне многоаспектный нормативно-правовой акт как по содержащимся в нём нормам, так и по своей социальной направленности и правовой сущности. Его следует определять в первую очередь, именно как источник права, а уже во вторую, как форму права.

В первую очередь, он законодательно утвердил создание нового государственного органа, придав его деятельности легитимный характер. Он юридически оформил уже начавшийся процесс подчинения церкви светской власти, что говорит о государственном характере этого документа.[1]

Духовный Регламент окончательно перестроил отношения между церковью и государством [3] и ознаменовал начало так называемого «синодального» периода в истории Русского Православия. Он придал церкви новый статус в государственном строе России, уничтожил остатки её автокефалии и сделал невольной «союзницей» оформляющегося абсолютизма.[2]

Духовный Регламент служит памятником философской и общественной мысли первой четверти XVIII века, политическим трактатом, даёт исследователю представление о взглядах Феофана Прокоповича и Петра I на природу монаршей власти, на её соотношение с властью церковной, на природу раскольников и сущность монашества.

Выявленные особенности и сущностные характеристики Духовного Регламента позволяют сделать главный вывод: регламент, являясь де-юре инструкцией для Духовной коллегии, выходит далеко за рамки инструкции для государственного органа и не только содержит правовые нормы и является формой волеизъявления государевой воли, но и даёт представления об определенных

факторах и теоретических основах, служащих фундаментом дальнейшего правового регулирования отношений между государством и церковью в первой четверти XVIII века этим нормативно-правовым актом.

Список литературы:

1. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб., 1887.
2. Свиридов В. И., Кольцов А. А. Русская православная церковь и государство: особенности отношений в начале XVIII в. // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. Июнь 2014. No 1–2
3. Смолич. И.К. История Русской Церкви: 1700—1917. Т.1. М., 1997